

Небо затянуло свинцом — безликие, зыбкие серые тучи над бескрайней гладью. Ледяной морской ветер свистел в щелях лачуги, завывая призрачным стоном. Одиночество. Сквозь дырявое окно — холодный лунный свет, пронзающий чернильную толщу воды. Поверхность моря, неподвижная и таинственная, таила в себе беззвучные течения.

Это был лишь мой сон.

Признаться честно, здесь, в бездонной пучине, я совершенно потерял счет времени. Дни и ночи слились в единое марево.

Ледяная вода омывала лицо, и единственным источником света служили призрачные белые блики, то и дело вспыхивающие в вязкой темноте. Холод пробирал до костей, тишина давила на уши...

Пробудившись, я попытался пошевелить затекшими руками. Ваджрные хладные оковы отозвались тяжелым лязгом, впиваясь в плоть. Боль мгновенно вернула меня к реальности: вот уже полмесяца я томился в плену в этой Бездне.

— Ну как? Обжился на новом месте? — донесся из-за каменной колонны, к которой я был прикован, детский, кристально звонкий голос.

— Не особо. Руки ужасно болят, — честно признался я.

Бледная маленькая ладонь, покрытая едва заметной чешуей, медленно скользнула по моей щеке. И вдруг — резкий, сокрушительный удар. Сила этой затрешины была такой, что никак не вязалась с хрупким телосложением ребенка. На лице тут же расцвел багрово-синий след от пятерни.

Я повернул голову, встретившись взглядом с этим ангельским, но бесконечно обманчивым личиком. Скрепя сердце, мне пришлось заискивающе улыбнуться:

— Послушай, я ведь ничего у тебя не крал и зла не причинял. Прояви милосердие, отпусти меня.

— Отпустить? — послышался тихий, издевательский смешок.

Мальчишка оскалился, обнажив острые зубы. Его длинные серебристые волосы разметались в воде, а сам он посмотрел с первобытной яростью, сверкнув кроваво-красными глазами.

— Шуйхуа... ты снова пытаешься меня обмануть?

***

А началось всё полмесяца назад.

Мы с Фэнхуа, снедаемые тревогой, поспешили к Восточному морю. Сказать по правде, когда я воочию увидел бескрайние воды, на меня накатило отчаяние.

Я лишь сокрушенно качал головой, коря себя за недальновидность. Вечно я сначала действую, повинуюсь порыву, а потом, когда припрет, кусаю локти.

Прошло два дня, и я окончательно извелся. Ожидание затягивалось, а способа пробиться в пучину всё не находилось. Я в бессильной злобе мерил шагами берег, глядя туда, где небо сливалось с водой.

Драконы — самая доблестная и воинственная раса Небесного царства. Прирожденное благородство в них сочетается с абсолютным высокомерием. Для них не существует компромиссов. Драконы терпеть не могут чужаков; даже бессмертным полагается заранее испрашивать дозволения, прежде чем войти в Бездну Восточного моря — их исконную обитель.

Будучи представителями древнейшего и самого таинственного рода, гордые драконы редко являются миру. Они годами, а то и тысячелетиями спят в глубочайших провалах океана, куда не доберется ни одно живое существо. Там царят лишь пронизывающий холод, мрак и абсолютная тишина.

И именно в этом секторе моря обитало единственное в шести мирах создание чистой крови — Серебряный дракон.

Легенды гласили, что он веками скрывается в пучине, и никто не видел его истинного облика. Ходили лишь слухи о его мощи: говорили, что чешуя его подобна застывшему свету луны, когти сокрушают скалы, а сам он величав и грозен. В его облике нет ни земной суеты, ни божественного холода — лишь гордость, сравнимая с заснеженными пиками гор.

Разумеется, если слухи не врут, сила этого дракона запредельна. Наша прогулка обещала быть чем угодно, только не легкой.

— Эх... — вырвался невольный вздох.

Глядя, как лазурная вода темнеет, становясь бездонной, я почувствовал, как к горлу подступает страх. Даже величайшие бессмертные не всегда рискуют спускаться в Бездну Восточного моря. Что уж говорить обо мне? Я теперь всего лишь смертный. На десяти метрах глубины я задохнусь, какая уж там «тьма сажений»?

Пока я предавался унынию, Фэнхуа вдруг резко хлопнул меня ладонями по лбу, только подлив масла в огонь моего раздражения.

— Ты что тво... — я не успел договорить.

Фэнхуа властно перехватил мой подбородок и выдохнул мне в губы порцию своего изначального духа.

Прежде чем я успел прийти в себя, мы начали погружаться. К моему удивлению, в воде я дышал так же легко, как на суше, хотя говорить не мог.

Восторг быстро сменился болью — давление нарастало. Фэнхуа оставался невозмутим, и я, надеясь, что скоро привыкну, старался не паниковать. Свет мерк. Под ногами разверзлась колоссальная черная пустота. Тишина стала осязаемой. Казалось, я падаю в никуда, и если бы не рука Фэнхуа, отчаяние поглотило бы меня без остатка.

Мы опускались всё ниже. Силуэт Фэнхуа превратился в едва различимый контур. Голову сдавило, в груди стало тесно. Я хотел вцепиться в спутника покрепче, но мышцы не слушались. Несмотря на магию воздуха, моё тело не было защищено от чудовищного давления глубины. Он, великий демон, мог не замечать этого, но не я.

Сознание начало ускользать. И вдруг — тишину прорезали призрачные звуки. Не успел я обернуться, как мощный удар отбросил меня в сторону. Перед глазами мелькнуло нечто ослепительное — не порождение тьмы, а молниеносный, яростный росчерк серебра.

Серебряный дракон?..

Чешуя вспыхивала искрами, слепя меня. Выпустив когти, дракон уставился на меня кроваво-красными глазами. Он беззвучно рыкнул.

«Дело дрянь», — мелькнуло в голове. Я попытался рвануться прочь, но легкие горели, а ледяная вода сковывала движения. Фэнхуа бросился на помощь, но было поздно — здесь была территория драконов. А на своей земле хозяин — бог.

Не успел я и дважды дрыгнуть ногами, как дракон вонзил когти мне в загривок и поясницу. Перевернув меня, он потащил добычу вглубь. Вблизи он казался пугающе огромным.

Бездна — это безжалостный пресс. Тех, кто дерзнет бросить ей вызов, она превращает в кровавое месиво.

Легкие разрывались от боли. Зрение меркло. Каждое мгновение казалось агонией. Лицо застыло, тепло уходило, сменяясь могильным холодом. Единственное, что связывало меня с миром — это невыносимая резь в груди. Я еще чувствовал боль, а значит — еще жил.

Сквозь пелену забвения я почувствовал, как мне в рот вливают какую-то горькую гадость. Дыхание наконец выровнялось. Тошнотворный привкус заставил меня невольно поперхнуться,

и тут же я получил несколько хлётких пощёчин. Половина лица мгновенно онемела.

Я всё еще был в полусознании, но разум работал четко. Кажется... меня похитил серебряный дракон.

Девяносто девять шансов из ста, что меня сожрут. Эх, лучше бы я оставался в беспомощности — умирать в забвении не так страшно. Зачем Небеса заставляют меня приходить в себя?

Ладно, буду притворяться спящим.

Однако этот план провалился. Не успел я зажмуриться, как на меня обрушился град пощёчин — штук десять-пятнадцать подряд. В глазах потемнело, мир закружился.

Пришлось открыть глаза. Привыкнув к темноте, я сощурился от тусклых бликов на воде. Я был прикован к огромному камню тяжелыми цепями. А прямо передо мной стоял мальчишка лет одиннадцати-двенадцати.

Длинные серебряные волосы струились по плечам, бледное лицо с тонкими чертами казалось болезненно-прекрасным. В призрачном свете он выглядел выходцем с того света.

Мальчик поднял глаза. В их кровавой глубине отразилось моё испуганное лицо.

— Малыш, мы где? — храбрясь, спросил я. И тут же опешил: я мог говорить под водой!

Мальчишка медленно протянул руку, коснулся моей левой щеки... и снова с силой ударил. Кровь из разбитой губы тонкой ниткой растворилась в воде. Он победно улыбнулся, и до моих ушей долетел его звонкий, еще детский голос:

— Ты заставил меня долго ждать... Старший бессмертный Шуйхуа.

Шуйхуа... Старший бессмертный?

— Почему молчишь? Злишься, что я тебя ударил? — он, только что раздававший пощечины, теперь ласково погладил мой опухший лик. Мальчишка странно усмехнулся. — Ты сам виноват. Заставил меня ждать целую вечность... Но ты ведь вернулся ко мне, правда?

—... — Я не понимал ни слова.

Повисла пауза. Глядя на его серебристые волосы и чешую, проступающую на руках и щеках, я сглотнул и тихо спросил:

— Ты и есть Серебряный дракон?

Он уставился на меня, нахмутив брови. В его красных глазах застыло недоумение:

— Ты забыл меня, Шуйхуа?

Я покачал головой:

— Послушай, парень... Я тебя в глаза не видел. Я никакой не Шуйхуа. Я знаю одного Фэнхуа, может, тебе он нужен? — Мальчик помрачнел, и я поспешно добавил: — Малыш, ты точно меня с кем-то путаешь...

Договорить мне не дали — две звонкие затрещины заставили меня увидеть искры.

Кто бы мог подумать, что ребенок может так сильно бить!

— Путаю? Шуйхуа... Шутник из тебя никудышный.

В его глазах вспыхнуло безумие. Он мертвой хваткой вцепился в мой подбородок, едва не ломая кость:

— Лжец! Ты лгал мне с самого начала... Ты обещал, что придешь ко мне, как только проснется Цин-ди. Я ждал семь тысяч лет! И теперь ты хочешь сказать, что не знаешь меня?!

Его трясло от ярости, в алых глазах читалась жажда крови.

— Семь тысяч лет? Цин-ди? Обещание? Что за бред ты несешь?! — Я тоже начал закипать. Боль в челюсти и избитое лицо лишили меня остатков терпения. — Мало того, что ты меня за игрушку держишь, так еще и на зрение жалуешься! Раскрой глаза, сопляк! Семь тысяч лет назад меня и в проекте не было! Я бы не стал связываться с ребенком, но ты переходишь границы. Живо отпусти меня, иначе вытащу на берег и зажарю!

Несмотря на холод Бездны, я чувствовал, как закипает кровь. Мальчишка на мгновение замер, а затем на его бледном лице проступила жуткая ухмылка. Он отпустил мой подбородок и ледяными пальцами провел по щеке:

— Ты обещал, что мы уйдем вместе... а сам бросил меня. Оставил одного. Что ж, теперь я никуда не уйду. И ты тоже.

— Ч-что?

— Ты будешь со мной... — прошептал он мне на ухо, и в его голосе прорезалась пугающая жестокость. — Вечно!

***

Что ж, признаю — я застрял. Маленький тиран превратил мою жизнь в бесконечный аттракцион, навещая меня трижды в день, как какую-то диковинную зверушку.

Кто-то говорил: тьма пугает лишь тогда, когда не видишь пути, а не когда пути нет.

Поначалу мне было трудно привыкнуть к этому призрачному сопляку с его вечными перепадами настроения. Только что он улыбался невинно и кротко, а в следующее мгновение он скалился с жаждой крови.

Белый, как снег, с красными глазами и ледяным телом, он раз за разом звал меня: «Шуйхуа».

Я молчал. Мне нечего было ответить. Моё молчание приводило его в бешенство.

Позже я понял, что пощёчины были лишь цветочками. Чем проще натура, тем прямолинейнее она выражает гнев. Он царапал меня, толкал, пинал — в ход шло всё.

Мои руки и шея покрылись следами его когтей, но в чернильной воде эти раны были почти не видны. А когда не видишь — кажется, что и не болит. Странно, но в пучине я перестал чувствовать дискомфорт. Ни мрак, ни холод больше не пугали меня. Что мне какая-то боль?

Но долго так продолжаться не могло.

Фэнхуа пропал... А Мо Чэ ждет меня.

Когда человек оказывается на самом дне, он становится удивительно стоворчивым. И я сдался. Разумеется, я не собирался оставаться здесь «вечно». Вечность — слово громкое, но на деле неосуществимое.

У меня была одна цель.

Божественная жемчужина застывшей луны.

Если хочешь чего-то добиться, подружись с начальством. Этот малец — Серебряный дракон, а значит, он точно знает, где искать жемчужину.

Есть зацепка — есть надежда. И плевать на острые клыки и когти, я не имею права отступить.

— Шуйхуа, ты хоть что-нибудь вспомнил? — Мальчик, как обычно, подошел ко мне, заглядывая в глаза с робкой надеждой.

— Пока нет... Наверное, нужно больше времени провести с тобой, тогда и вспомню, — тихо ответил я. Цепи за спиной по-прежнему тянули вниз.

Я впервые увидел, как он сияет. Его восторг был почти осязаемым, он просиял, сверкнув алыми глазами. Его тонкое ледяное тело прижалось ко мне, и он прошептал:

— Когда этот день настанет... я хочу услышать своё имя из твоих уст. Договорились?

Я улыбнулся и кивнул:

— Договорились.

Давать человеку надежду — это жестоко.

Ведь звезда надежды рано или поздно гаснет. Ожидание оборачивается отчаянием, вино превращается в яд, а душа — в пепел.

Ложь — это всегда эгоизм. Но я лишь хотел вернуть то прекрасное, что принадлежало мне, не давая ему обратиться в прах.

В моём сердце внезапно проснулись чувства, которых там никогда не было. Старые воспоминания, которые я когда-то стер или высмеял, теперь кружились в голове, заставляя меня сторожить безмолвную могилу прошлого.

Я всё ещё помнил взгляд Цинь Хуаня, когда он уходил. Его обида была оправдана: я был слишком глуп, чтобы удержать его.

Я склонил голову и в этой безмолвной тьме вдруг услышал чей-то шепот.

Если жизнь кажется пустой и разбитой, всегда найдется что-то, что сможет наполнить её смыслом, не так ли?

<http://bllate.org/book/17534/1706547>